

Ефремов Николай Николаевич

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯКУТСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье впервые в якутском языкознании рассмотрены в сопоставительном плане синтетические полипредикативные конструкции с причинно-следственным значением в якутском и казахском языках. Установлено, что данные построения в сопоставляемых языках, характеризуясь общими типологическими признаками, имеют определенные структурные различия, обусловленные их системными особенностями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 67-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.512.157(122)

Филологические науки

В статье впервые в якутском языкознании рассмотрены в сопоставительном плане синтетические полипредикативные конструкции с причинно-следственным значением в якутском и казахском языках. Установлено, что данные построения в сопоставляемых языках, характеризуясь общими типологическими признаками, имеют определенные структурные различия, обусловленные их системными особенностями.

Ключевые слова и фразы: якутский и казахский языки; полипредикативная конструкция; причинно-следственные отношения; синтетический тип; предикат; предикативная единица.

Ефремов Николай Николаевич, д. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
nik.efrem50@mail.ru*

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯКУТСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ®

В якутском языке, как и в других тюркских языках, причинно-следственные отношения выражаются полипредикативными конструкциями (далее – ППК) синтетического, аналитико-синтетического и аналитического типов. Синтетические ППК характеризуются причастно-падежными, деепричастными зависимыми предикатами, аналитико-синтетические – зависимыми предикатами с послелогом. Аналитические ППК представляются предикативными единицами, сочетающимися при помощи союзных или бессоюзных (интонационных) средств [4]. В синтетических и аналитико-синтетических ППК зависимый предикат выполняет связующую и предикативную функцию, то есть функционирует в качестве зависимого сказуемого (предиката), а также средства связи частей ППК.

В данной статье анализируются структурно-семантические типы синтетических ППК с причинно-следственным значением в якутском и казахском языках в сопоставительном аспекте.

В якутском языке синтетические ППК с причинно-следственным смыслом оформляются зависимыми предикатами, выраженными причастиями / инфинитивными предикативными структурами в формах лично-предикативного склонения: дательного, орудного, исходного падежей. Эти падежи многозначные, потому выражение обсуждаемого значения данными конструкциями обуславливается характером лексико-грамматического наполнения синтаксических позиций предложения, то есть части ППК в содержательном плане должны соотноситься как причина и следствие или как стимул и реакция. При этом форма зависимого предиката выполняет функцию структурной модели ППК. Структурная модель представляется в виде цепочки морфем: основа + показатель времени + показатель лица, числа субъекта + показатель связи (падеж, послелог или нулевой показатель: твердый порядок слов). Например: $T_v = \text{ыт} + //$ дат. п (основа глагола + показатель прошедшего времени на -быт + показатель лица, числа + дательный падеж); $T_v = \text{быт} + //$ оруд. п. (... + показатель орудного падежа); $T_v = \text{быт} + //$ исх. п. (... + показатель исходного падежа). Примеры:

$T_v = \text{быт} + //$ дат. п.: *Хата, тулуйан истибиккэр махтал* _Наоборот, спасибо за то, что ты выслушал с терпением' [3, с. 232];

$T_v = \text{быт} + //$ оруд. п.: *Онон биһиги да, киэңник биллэн барбытынан, мантан иннэ кинини «Кунай» диэн быһатытан ааттыаххайың* _Поэтому давайте и мы будем звать его отныне Кунаем, поскольку это широко стало известным' [Там же, с. 234];

$T_v = \text{быт} + //$ исх. п.: *Власий Порфирьевич олорооччулар бары кини диэки эргиллэ түспүттэриттэн хоруһа суох бэйэтэ симитиннэ* _Власий Порфирьевич из-за того, что все сидящие вдруг повернулись в его сторону, смутился, хотя был не из робких' [Там же, 233].

В казахском языке синтетические – причастно-падежные – ППК с причинно-следственным значением подразделяются на два структурных типа: конструкции с управляемыми зависимыми предикативными единицами и конструкции с неуправляемыми зависимыми предикативными единицами (далее – ЗПЕ) [7, с. 68].

Неуправляемые ЗПЕ представляются в виде примыкающих конструкций, то есть структур, которые сочетаются с главной предикативной единицей (далее – ГПЕ) посредством соположения – «препозитивная ЗПЕ + постпозитивная ГПЕ». Это конструкции с предикатом «глагольная основа + =гандықтан» / $T_v = \text{гандықтан}$ и $T_v = \text{атындықтан}$ (используется редко). Показатель =, *андықтан* в структурном плане состоит из трех компонентов: =ган – причастие прошедшего времени, =дық функционирует как номинатор, =тан аффикс исходного падежа [Там же]. В =атындықтан формант =атын= является показателем причастия настоящего-будущего времени, который представляет собой сочетание «деепричастие =а+ =тын» [5, с. 330]. А зависимое сказуемое с =атын «указывает на то, что действие происходит в настоящем или прошедшем времени» [7, с. 70].

Примеры.

Казахские ППК с зависимым предикатом, выраженным:

- формой T_v =ғандықтан: *Қастарында кілденен кісілер болғандықтан, Оспан Абайға айтам деген оқиша сізін бастаған жоқ* ‘Оспан не стал рассказывать Абаю своей тайны, **так как** рядом с ними были чужие люди’ [Там же, с. 68];

- формой T_v =атындықтан: *Жиналыс болатындықтан, біз киноға бармадық* ‘Мы не пошли в кино, **потому что** будет собрание’ [Там же, с. 70].

Казахские ППК указанного типа в якутском языке передаются конструкциями, ЗПЕ которых оформляются определенными падежными (синтетическими) или постпозитивными союзными (аналитическими) показателями.

Из вышеприведенных казахских конструкций структура с зависимым предикатом T_v =ғандықтан имеет в якутском языке близкий эквивалент, представленный фразой с синтетическим показателем связи – зависимым предикатом в исходном падеже, а конструкции с T_v =атындықтан передаются на якутский язык построениями с аналитической постпозитивной скрепой *буолан* (препозитивное / зависимое сказуемое + постпозитивный союз *буолан*). При этом обе фразы казахского языка могут выражаться в якутском языке при помощи как аналитической – союзной – модели (зависимое сказуемое + союз *буолан*), так и синтетической – падежной (T_v причастие+// оруд. пад.). Кроме того, в качестве функциональных эквивалентов приведенных казахских ППК употребляются и аналитико-синтетические конструкции – причастно-последложные модели (T_v причастие+// послелог). Таким образом, данные казахские фразы передаются на якутский язык конструкциями синтетического, аналитико-синтетического и аналитического типов. Это следующие модели – синтетические: имя наличия (баар) в исходном падеже лично-предикативного склонения (Баар+ // исх. п.); зависимый предикат-причастие на *-ар* в форме орудного падежа лично-предикативного склонения (T_v =ар+// оруд. п.); аналитико-синтетическая: предикат на *=ар* в сочетании с послелогом *быһытынан* (T_v =ар+// быһытынан); аналитические: имя наличия в сочетании с постпозитивной скрепой (союзным словом) *буолан*, снабженной аффиксом сказуемости со значением лица, числа субъекта (Баар буолан+/P/); сказуемое препозитивной предикативной единицы в сочетании со скрепой *буолан* (сказуемое + буолан + /P/). Примеры:

Якутские ППК модели Баар+// исх. п. / Баар буолан+/P/ – *Аттыгар атын дьон бааларыттан (баар буоланнар), Оспан Абайга бэйэтин кистэлэҥин кэпсичи сатаабата* ‘**Оттого, что (так как)** рядом с ними были чужие люди, Оспан не стал рассказывать Абаю своей тайны’;

Якутские ППК модели сказуемое + буолан + /P/ / T_v =ар+// оруд. п. / T_v =ар+// быһытынан – *Мунньах буолар буолан (мунньах буоларынан/буоларын быһытынан), биһиги киинээ барбатыбыт* ‘**Так как/ в связи с тем, что** будет собрание, мы не пошли в кино’.

В казахском языке синтетические ППК с управляемыми ЗПЕ оформляются предикатами в **дательно-направительном** и **исходном** падежах.

Конструкции с дательным падежом в якутском языке и с дательно-направительным падежом в других тюркских языках (например, в казахском) являются полифункциональными. В тюркских языках подобные структуры выражают пространственные и временные отношения, изредка передают причинное значение [Там же, с. 75]. В казахском языке подлежащее зависимой части обсуждаемых конструкций в разносубъектной реализации имеет форму родительного падежа, а субъект моносубъектного построения, наоборот, обозначается формой неопределенного падежа. В якутском языке родительный падеж в парадигме склонения отсутствует, потому субъекты частей якутских ППК имеют форму только неопределенного (основного) падежа.

Казахские конструкции с дательно-направительным падежом в разносубъектном оформлении транслитерируются в якутском языке обычно структурами с показателем исходного падежа. При этом следует отметить, что в речи современных носителей якутского языка имеет место использование структур с дательным падежом, однако последние обычно расцениваются как нетипичные. Ср.: казах. ППК с T_v =атын=//на: *Болаттың қарт эке шешесіне бар=атын=ы=на қуандым* ‘Я рад (тому), что Болат поедет к престарелым родителям’ [Там же, с. 76] и перевод данной казахской фразы с зависимым предикатом T_v =атын=//на на якутский язык посредством ППК с T_v =ар+// исх. п.: *Болат кырдыаёас тэрэппүттэригэр бар=ар=ыттан* (ср. зависимый предикат T_v ар+// дат. п. – *бар=ар=ыгар**) *үррэбин* ‘Я рад оттого, что Болат едет к своим пожилым родителям’.

Казахские конструкции с дательно-направительным падежом в моносубъектном оформлении имеют в якутском языке периферийные функциональные эквиваленты, выраженные аналитическими структурами с постпозитивной скрепой *диэн*. Подобные конструкции в якутском языке представляют собой также форму передачи косвенной речи. Ср.: казах. ППК с T_v =етін=іміз=ге: *Жұмысқа кешігіп келетінімізге уайымдап отырмыз* [Там же] ‘Мы волнуемся из-за того, что не успеем вовремя прийти на работу’ [Там же] и ее перевод на якутский язык при помощи ППК с T_v =ыах+// диэн: *Үлэбитигэр хойтуохпунт диэн долгуубабыт* ‘Мы волнуемся, что опоздаем на работу / Мы волнуемся, думая, что опоздаем на работу’.

В казахских ППК с показателем исходного падежа, в отличие от других тюркских языков (например, узбекского, алтайского, тувинского), значения причинно-следственной зависимости падежной формой зависимого сказуемого не выражаются. Они формируются эмотивными глаголами – главными сказуемыми, имеющими значение причины стимула – поведенческой реакции [Там же, с. 71-73]. Например.

Казахская ППК с T =ған=//нан: *Қайрат иттің ырылда=ған=ы=нан қорықты* ‘Кайрат испугался оттого, что зарычала собака’ [Там же, с. 72].

В якутском языке подобные фразы казахского языка также передаются ППК с исходным падежом. Ср. перевод казахской ППК с $T_v = \text{ған} // = \text{нан}$ на якутский язык с помощью ППК с $T_v = \text{быт} //$ исх. п.: *Кайрат ыт орулаабытыттан куттанна* 'Кайрат испугался оттого, что зарычала собака'.

Деепричастные ППК с причинно-следственным значением в якутском языке оформляются зависимым предикатом, выраженным деепричастием на *-ан* (отрицательные формы *-бакка/-мына*). Названное деепричастие некоторыми исследователями возводится к монгольскому деепричастию на *-(u)n* и *u(i)n* [2, с. 241]. Тюркский аналог якутского деепричастия на *-ан -ур/-ір*, как предполагают тюркологи, «существовал уже на раннем состоянии тюркского праязыка» и «служит для обозначения временной (чаще предшествующего главному действию), причинной, целевой, условной характеристики действия, что зафиксировано в ранних тюркских памятниках» [6, с. 472]. Данное деепричастие «лежит на основе прошедшего результативного времени – перфекта» [Там же, с. 473]. В якутском языке причинные ППК с $T_v = \text{ан}$ встречаются в основном в разносубъектном оформлении, однако имеют место и случаи их моносубъектного функционирования. Поэтому эти ППК, характеризуясь в целом как вариативно-субъектные, расцениваются в качестве конструкций с преимущественным разносубъектным оформлением. Примеры:

якут. ППК с $T_v = \text{ан}$: *Ньээнэ кырдьыктанан, оонньообута табыллыбыта* [1, с. 10] 'Няня поверила (в шутку Кириллова – Н. Е.), и у него шутка действительно получилась'; *Ылдьан, үлэлэбэтим* 'Я заболел (букв. – заболел), и не ходил на работу';

якут. ППК с $T_v = \text{мына}$: *Урут, үлэһит илии аанньа кэстүмүнэ, бу сир ситэ оттоммокко хаалара* 'Раньше эту местность из-за того, что не хватало рабочих рук, косили не полностью' [3, с. 229];

якут. ППК с $T_v = \text{бакка} + P/$: *Оһохпун оттубаккабын, тоңнум* 'Я, не затопив печь, озяб' (фраза из разговорной речи).

В казахском языке также имеются причинно-следственные конструкции, зависимый предикат которых оформлен деепричастием на *-ып (-май)*. Они вариативно-субъектны, то есть функционируют в разносубъектной и моносубъектной формах.

казах. ППК с $T_v = \text{іп}$: *Эртiстер келiп, концерт басталды* [7, с. 78] 'Когда приехали артисты, начался концерт';

казах. ППК с $T_v = \text{пей}$: *Жанар майы жетпей, комбайын тоқтап қалды* 'Так как не хватило (букв. – не хватив) горячего, комбайн остановился' [Там же];

казах. ППК с $T_v = \text{ып}$: *Бір апта ауырып, үйден шыға алмай жатым* 'Проболев, целую неделю не мог выйти из дому' [Там же];

казах. ППК с $T_v = \text{май}$: *Әскерлер су таба алмай, шәлден қырылатын болды* 'Не найдя воды, воины чуть не умерли от жажды' [Там же, с. 79].

Таким образом, синтетические ППК с причинно-следственным значением в якутском и казахском языках имеют общие типологические особенности, обусловленные постпозитивно-агглютинативным строем тюркских языков.

Основные структурные соответствия и различия рассмотренных ППК в сопоставляемых языках можно представить в виде таблицы.

Таблица 1.

**Синтетические ППК с причинно-следственным значением
в казахском языке и их функциональные эквиваленты в якутском языке**

№	неуправляемые ППК казахского языка	функциональные эквиваленты в якутском языке
1.	ППК с $T_v = \text{ғандықтан}$, преимущественно разносубъектны.	Синтетические ППК с показателем исходного падежа, аналитические ППК с постпозитивной скрепой буолан ; вариативно-субъектны
2.	ППК с $T_v = \text{атындықтан}$, преимущественно разносубъектны, употребляются редко.	Синтетические ППК с показателем орудного падежа, аналитико-синтетические ППК с послелогом быһһытынан , аналитические ППК со скрепой буолан ; вариативно-субъектны.
	управляемые ППК казахского языка	
3	$T_v = \text{ған} // = \text{на}$, преимущественно разносубъектны.	Синтетические ППК с показателем исходного падежа; вариативно-субъектны
4	$T_v = \text{аты} // = \text{на}$, преимущественно разносубъектны.	Синтетические ППК с показателем исходного падежа; вариативно-субъектны
5	$T_v = \text{егін} = \text{іміз} = \text{ге}$ моносубъектная фраза.	Аналитические ППК со скрепой дизн ; вариативно-субъектны
	деепричастные ППК казахского языка	
6	ППК с деепричастием на <i>-ып</i> , преимущественно моносубъектны	ППК с деепричастием на <i>-ан</i> ; преимущественно разносубъектны

Как видно из таблицы, якутские причинно-следственные ППК с зависимым сказуемым, выраженным деепричастием на *=ан*, как и казахские ППК с неуправляемыми формами зависимого сказуемого $T_v = \text{ғандықтан}$ и $T_v = \text{атындықтан}$, формируют преимущественно разносубъектные построения. Конструкция с управляемыми формами зависимого сказуемого в казахском языке в большинстве случаев тоже разносубъектны, а их якутские эквиваленты вариативно-субъектны. Субъект подобных разносубъектных ППК казахского языка в отличие от синтетических ППК якутского языка принимает форму родительного падежа.

Список литературы

1. Амма Аччыгыя. Сэһэннэр, кэпсээннэр, ахтылылар. Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1986. 528 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. М.: Наука, 1982. Т. 1. Фонетика и морфология. 336 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. Новосибирск: Наука, 1995. Т. 2. Синтаксис. 402 с.
4. Ефремов Н. Н. Аналитические сложноподчиненные предложения в якутском языке (в сопоставлении с хакасским языком) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29). Ч. 1. С. 66-69.
5. Кенесбаев С. К., Карашева Н. Б. Казахский язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1966. Т. 2. С. 320-339.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.
7. Тажибаева С. Ж. Каузальные полипредикативные конструкции якутского казахского языка (сопоставительный аспект). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 271 с.

CAUSATIVE-CONSECUTIVE CONSTRUCTIONS IN THE YAKUT AND KAZAKH LANGUAGES

Efremov Nikolai Nikolaevich, Doctor in Philology

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
 nik.efrem50@mail.ru

For the first time in the Yakut linguistics synthetic poly-predicative constructions with causative-consecutive meaning in the Yakut and Kazakh languages under the comparative aspect are considered in the article. It's stated that construction data in the comparable languages, which are characterized by common typological features, have the definite structural differences determined by their systematic peculiarities.

Key words and phrases: Yakut and Kazakh languages; poly-predicative construction; causative-consecutive relations; synthetic type; predicate; predicative unit.

УДК 82.09

Филологические науки

Статья посвящена раскрытию темы детства в художественной прозе В. И. Даля на примере рассказов «Милостыня», «Крестины», «Крещенский сочельник», «Детские сумерки». Писатель создает особый образ детства, реалистический и трагический, с одной стороны, высокий, романтический, жизнеутверждающий – с другой. Детство рассматривается как самоценный жизненный период, и этот смысловой оттенок следует признать несомненным открытием писателя.

Ключевые слова и фразы: мир детства; образ ребенка; творчество; православие; душа ребенка.

Жесткова Елена Александровна, к. филол. н., доцент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
 ezhestkova@mail.ru

МИР ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ В. И. ДАЛЯ©

Русская литература являет собой весьма «поучительное зрелище в художественном осмыслении младенчества, детства» [13, с. 17].

Таинственность мира детства, постижение которого представляет собой величайшее из наслаждений (таинство рождения, младенчество, умягчающее самую «одеревеневшую» душу, детская речь: «Устами младенца глаголет истина»), образ райской души, безгрешной в своем неведении и открытой для любви), раскрыта в творческом наследии В. И. Даля. Почти все произведения писателя наполнены детскими образами, воспоминаниями героев о своих первых жизненных впечатлениях, проникнуты тонкими наблюдениями взрослых персонажей за внутренним миром ребенка – миром, простым в своей почти первобытной примитивности и одновременно невероятно сложным для восприятия взрослого человека.

В данной работе мы остановимся на некоторых рассказах из цикла «Картины из быта русских детей» и покажем особенности художественного осмысления темы детства в творчестве В. И. Даля.

Книга «Картины из быта русских детей», увлекательно написанная, показывает взрослым – педагогам, психологам, родителям – и современным детям, как естественно и плодотворно протекало освоение духовно-нравственных понятий и воспитание на их основе в семье XIX века. Рассказы Даля, входящие в данный цикл, носят биографический характер. В них угадываются воспоминания писателя о собственном детстве.

«Мать разумным и мягким обращением своим, и более всего примером, с самого детства поселила во мне нравственное начало» [1, с. 32], – вспоминал Даль. Она всю жизнь оставалась его самым большим другом. А ещё мать приучала своих детей любить всякий труд. У неё самой были изумительно искусные руки, способные ко всякому ремеслу. Мать учила: «Надо зацеплять всякое знание, какое встретится на пути; никак нельзя сказать вперёд, что в жизни пригодится» [Там же]. Способность «зацеплять» знания и ремесла останется у Даля на всю жизнь.